Тысячелетний мальчик

Автор:
Росс Уэлфорд

Тысячелетний мальчик

Росс Уэлфорд

Бестселлеры мировой фантастики для детей

Альфи Монк помнит последнее вторжение викингов в Англию: ему 1000 лет, и, в отличие от других детей, он совсем не взрослеет. Альфи и его мать постоянно переезжают с места на место, оберегая свою тайну, и у Альфи нет настоящих друзей, ведь все его сверстники быстро вырастают. Однажды случается пожар, и Альфи теряет всё, что любил. Теперь ему придётся найти своё место в современном мире, а это означает – в конечном итоге стать смертным.

Добрая и трогательная история от популярного британского автора – восходящей звезды детской литературы Росса Уэлфорда.

Для среднего школьного возраста.

Росс Уэлфорд

Тысячелетний мальчик

Часть первая

Альфи

Хотите жить вечно? Я вам не советую. Я привык быть бессмертным и прекрасно понимаю, что это за жизнь. Я сыт ею по горло. Я хочу расти, как все остальные.

Вот вам моя история. Зовут меня Алве Эйнарсон. Мне тысяча лет. На самом деле даже больше.

Мы друзья? В таком случае зовите меня Альфи. Альфи Монк.

Глава 1

Саут-Шилдс, 1014 год н. э.

Мы, я и мама, сидели на невысоком утёсе возле устья реки и смотрели, как на другом берегу дым от нашей деревни поднимается и смешивается с облаками.

Реку все называли Тайн. Мы произносили это слово как «Тиин», но это было наше личное название.

Мы сидели, мама вытирала слёзы и яростно ругалась, а из-за реки до нас доносились стоны и крики. Мы чувствовали запах дыма от сгоревшей деревянной крепости на вершине утёса. Люди – большей частью наши соседи – столпились на том берегу, но Даг, перевозчик, не собирался возвращаться за ними. Не сейчас: сейчас его тоже убили бы. Он, бормоча извинения, убежал от нас, едва его плот коснулся берега.

Прибывшие на лодках наконец появились над берегом, где собрались местные жители. Сначала они просто стояли – высокомерные и бесстрашные, затем, держа наготове мечи и топоры, пошли вниз к своей добыче. Я видел, как люди

входят в воду, пытаясь скрыться. Далеко им не уйти: их перехватит маленькая лодка, которая ждёт на середине реки.

Я опустил голову и уткнулся в мамину шаль, но мама выдернула шаль и вытерла глаза. Голос её дрожал от ярости.

– Позори, Алве, позори!

Мы так говорили. Теперь этот язык называется древнескандинавским. Но сами мы никак его не называли. Она имела в виду: «Смотри! Смотри, что они делают с нами, – люди, которые явились с севера в своих лодках».

Но я не мог смотреть. Я встал и пошёл прочь в каком-то оцепенении. И всё равно я слышал звуки убийств и чувствовал запах дыма. Я был несчастен из-за того, что остался жив. Позади меня мама толкала маленькую деревянную тачку, нагруженную барахлом, которое мы похватали и ухитрились уложить на Дагов плот. Моя кошка Биффа шла сбоку, иногда бросаясь в траву за мышью или кузнечиком. Обычно в таких случаях я улыбался, но в этот раз я был так опустошён, словно меня выпотрошили.

Пройдя милю или две, мы с мамой нашли глубокую защищенную бухту и в ней – пещеру. Солнце светило ярко, и я смог воспользоваться отцовским зажигательным стеклом – кривым полированным осколком, собиравшим солнечный свет в тонкий лучик, способный зажечь огонь. Я боялся, что налётчики станут нас преследовать, но мама сказала, что не станут, и оказалась права. Мы спаслись.

Три дня спустя мы наблюдали, как их лодки уходят обратно в море, и тогда я совершил самую большую ошибку в своей жизни. Чтобы её исправить, мне пришлось ждать тысячу лет.

Глава 2

Если вам захочется спросить меня: «Почему ты это сделал?» – валяйте, спрашивайте, я не против. Я много-много раз задавал себе этот вопрос. И до сих

пор не знаю полного ответа. Могу лишь сказать, что я был молод и очень, очень напуган. Я хотел сделать что-нибудь – что угодно, – чтобы стать сильнее, чтобы лучше помогать маме и защищать нас обоих.

И я стал Бессмертаном, как моя мама.

Это началось давно. Правда, давно: очень много лет назад. Вот что случилось.

Мой отец владел пятью маленькими стеклянными шариками, которые мы называли жемжизнями.

Жемчужинами жизни.

Ничего ценнее у нас не было. Мама говорила, что, возможно, во всём мире нет ничего более ценного.

Чтобы их получить, люди шли на убийство; отец погиб, чтобы их сохранить. Потому-то мы никому не говорили, что они у нас есть.

Теперь их осталось три. Одна для мамы и две для меня, когда я подрасту.

Я знал это. Мама часто внушала мне: «Сперва ты должен вырасти, Алве. Прояви терпение».

Но я не мог ждать.

На третий вечер нашего пребывания в пещере, когда мама ушла за пресной водой, я откупорил маленький глиняный горшочек и достал жемжизнь. Хотя она была очень старой, стекло переливалось в сумеречном свете, идущем от входа в пещеру. А густая жидкость внутри словно загорелась янтарным огнём, когда я поднёс жемжизнь к костру.

Биффа сидела на небольшом камне напротив меня, и её жёлтые глаза светились так же, как и стеклянный шарик. Понимала ли она? Биффа мяукнула, будто что-то сказала мне. Очень часто мне казалось, что Биффа многое понимает.

Присев на корточки, я нашёл нож – маленький кусок железа с деревянной рукояткой, который раньше принадлежал папе, – и поднёс его к огню. Оглянулся на вход в пещеру, чтобы убедиться, что я один, и сглотнул.

Когда я дважды полоснул горячим лезвием по плечу, появилась кровь. Два коротких надреза – таких же, как мамины шрамы. Таких же, как шрамы, которые были у отца. Я не знаю, важно ли делать именно два надреза; возможно, нет.

Просто так принято.

Больно не было, пока я не попытался растянуть края раны в стороны. Я надкусил жемчужину жизни, и она треснула. Из неё потёк золотистый сироп, похожий на кровь из моих ран. Я собрал его пальцами и втёр в раны. И повторял это снова и снова, пока не закончился сироп. Он жалил, как свежая весенняя крапива.

Потом всё пошло не по плану. Я много раз проигрывал эту ситуацию в голове, как люди проигрывают понравившийся эпизод из фильма. Мог ли я что-нибудь изменить?

Не знаю.

Думаю, Биффе просто было интересно. Она не могла знать – хотя, как я уже сказал, Биффа была знающей кошкой. Неожиданно она тихонько мурлыкнула и прыгнула ко мне прямо через костёр – сбоку, где пламя было пониже. Нож я держал в руке и поднял его, не задумываясь; это был автоматический жест самозащиты. Нож поцарапал переднюю лапу Биффы, но кошка даже не мяукнула. Когда она приземлилась, я обернулся, и моя туника смахнула с каменной полки ещё одну жемчужину жизни. В этот момент я потерял равновесие, наступил на жемчужину, и она треснула.

Несколько секунд я в ужасе смотрел на неё. Уже то было плохо, что я не послушался маму. Но вдобавок я впустую потратил ещё одну бесценную жемчужину жизни.

Из неё на камень стала сочиться густая янтарная жидкость. Думая только о том, что её нельзя выбросить, я схватил Биффу за шкирку и начал втирать жидкость в раненую лапу.

(После я долгие годы объяснял маме, что сделал это без злого умысла. Я хотел только, чтобы жемжизнь не пропала зря.)

Затем я перевязал руку длинным куском чистой ткани, а другой кусок обмотал вокруг лапы Биффы. Кажется, кошка была не против. Она облизала усы, зевнула и свернулась клубочком. Вскоре на фоне синего неба появился силуэт мамы – она вернулась с ведром чистой воды. Я сгорал от стыда.

Иногда мне кажется, что я всё ещё стыжусь.

В тот момент мне было одиннадцать зим.

Мне предстояло более тысячи лет оставаться одиннадцатилетним.

Глава 3

Всё это было очень давно.

Я и раньше пытался рассказывать свою историю, но быстро понимал, что люди не хотят ничего знать. Мне приходилось опускать важные подробности – например, умалчивать о жемчужинах жизни, и люди считали, что я над ними подшучиваю (в лучшем случае) или что я опасный сумасшедший (в худшем).

Так что я, как говорится, молчал в тряпочку.

Я иногда спрашиваю себя, как реагировали бы люди, если бы я выглядел старым? Будь я морщинистым, скрюченным, лысым, с дребезжащим голосом и огромными ушами с синими венами, одетым в плохо сидящую одежду? Тогда, наверное, они бы не думали, что я шучу? Они бы сразу решили, что я спятил от старости.

– Бог с ним, с этим стариком Альфом, – сказали бы они. – Сегодня он опять среди викингов.

– Что? А… Вчера он вспоминал про Чарлза Диккенса. Как он его видел.

– Да? Бедный старикан. Но ведь он безобидный, правда? Чокнутый, но безобидный.

Дело в том, что я вовсе не выгляжу старым; я выгляжу на одиннадцать лет.

Когда я перестал взрослеть, викинги почти закончили завоевание северо-восточной Англии. А мы с мамой убегали от шотландцев. Примерно пятьдесят лет спустя норманны вторгнутся на юг страны – в 1066 году. (По сути, норманны – те же викинги, только выучившие французский язык. Я бы так и объяснил, если бы меня спросили, но никто не спрашивал. Норманны – норд-маны, нордические люди, люди с севера – связь очевидна.)

И, поскольку все интересуются, я действительно встречался с Чарлзом Диккенсом, но это было много, много позже.

Видите? Вы же мне не верите, правда? Это не ваша вина, если учесть, что я последний оставшийся Бессмертан на земле. И когда умерла мама, бессмертие стало совсем никудышной жизнью.

Раз мне не верите даже вы, то какие у меня шансы убедить Эйдана Линклейтера или Рокси Минто? А ведь мне понадобится их помощь, если я хочу избавиться от своего проклятия вечной жизни.

И если они мне не поверят, тогда я, как теперь говорят, попал.

Эйдан

Сначала, наверное, мне надо объяснить, почему я такой злой. Закрыть эту тему. Тогда мы сможем понять, как состоялось моё знакомство с Альфи и моя жизнь изменилась навсегда.

Глава 4

Уитли Бэй, наши дни

Сначала мы переехали в новый дом. Это само по себе уже было достаточно плохо. Поймите:

1. Дом был меньше. Намного меньше. У него почти не было сада – был неухоженный задний двор, на котором и мяч-то не погоняешь. Мама напоминала (и не однажды): мне повезло, что у нас есть дом и хоть какой-то двор. Когда она так говорила, я чувствовал себя виноватым и жалел, что вообще об этом упомянул. Ведь я знал, из-за чего мы переехали. Раньше мой друг Мо, который жил в квартире, часто приходил в наш старый дом, потому что у самого Мо не было двора. Но теперь это не имеет значения, правда?

2. Если к нам приедут гости, мне придётся жить в одной комнате с Либби, которая обычно невыносима. Ей семь лет, и она смотрит «Мой маленький пони».

3. Иниго Деломбра, который учится со мной в одном классе, теперь живёт в моём старом доме. Каждый раз при встрече он ухмыляется, словно говоря: «Ты лузер».

Хорошо, что мне хотя бы не пришлось менять школу, но, учитывая, как складываются отношения со Спатчем и Мо, может, её и стоило бы поменять.

И ещё одно: мама с папой всё время ругаются. Они всегда ругались – «спорили». Но теперь они это делают громче и громче и думают, что я не замечаю. Всё из-за денег – всегда из-за денег. Подробностей я не знаю. Я только знаю, что они сделали «неудачную инвестицию» и мама винит папу. Мама теперь работает в колл-центре и ненавидит свою работу. Вчера ночью я застал Либби на лестнице. Она подслушивала.

– Эйдан, они хотят развестись? – спросила Либби.

Мне пришлось ответить:

– Конечно, нет.

Подбородок у неё дрожал, но она не плакала. По крайней мере, не при мне; просто потому, что от этого я тоже мог бы взорваться.

Так, с этим разобрались.

Давайте честно. Если мальчик, с которым ты только что познакомился, сообщит тебе, будто ему тысяча лет, как ты отреагируешь?

Ты засмеёшься и, может быть, скажешь: «А, да, конечно!»

Или не будешь обращать внимания, согласно правилу: «Не провоцируй придурка, и всё обойдётся».

Ещё можно выступить с остротой: «Тогда я королева Шебы».

Ладно, я не слишком искушён в остроумии, но идея понятна.

Так что, когда Альфи сказал: «Эйдан, мне больше тысячи лет», я ему, понятное дело, не поверил.

А затем пришлось поверить, ведь всё это хоть и выглядело невероятно, но было правдой.

И чтобы всё стало ясным до конца, я расскажу ещё немного.

Глава 5

Мы переехали – я, мама, папа и Либби – в начале пасхальных каникул, и за три дня все вещи были распакованы. При переезде разбили мою игровую приставку. Я спросил маму, может ли она купить новую, а она горько рассмеялась. Это

означало «нет». Мама сказала, у нас сейчас «другие приоритеты», и я устыдился своей просьбы.

Меня ждал остаток каникул.

– Пригласи друзей или сходи на пляж, – предлагала мама каждые пять минут.

Но Спатч, как и на каждую Пасху, уехал в Неаполь к своим итальянским дедушке с бабушкой. Хуже всего было то, что он позвал с собой Мо. А не меня.

Когда они мне сообщили, я притворился, что не обиделся, хотя это было не так. Когда я рассказал маме, она ответила: «И хорошо, всё равно мы не смогли бы заплатить за авиабилет, так что не переживай». Но дело ведь не в этом, правда? Я думаю, Спатчу было немного неудобно. Он объяснил, что не позвал меня потому, что в деревенском доме его дедушки мало места. Но я видел фотографию дома, он огромный. Да и, кроме того, я был бы счастлив спать на полу. Я почти сказал это, и теперь очень рад, что не сказал.

Для полного счастья, как любит говорить папа, к нам приехали тётя Алиса и дядя Джаспер. Тётя Алиса ещё ничего, но Джаспер? Тьфу!

Я знаю, папа не был рад их приезду. Он жаловался маме:

– Какого чёрта они не могут остановиться в отеле? Можно подумать, у нас много места.

– Бен, она всё-таки моя сестра.

Папа только фыркнул и закатил глаза.

Итак, на четвёртый день каникул с утра прибыли тётя Алиса и Джаспер, и меня переселили на надувной матрас в комнату Либби. Ещё несколько дней ей предстояло пробыть в лагере для девочек-скаутов, так что мне не пришлось бы жить с ней в одной комнате. Но всё же…

Мы все сидели в кухне, где после переезда ещё валялись коробки. Папа, который пока не работал и был дома, заварил чай и спросил, как у Джаспера

обстоят дела с лодкой (выбрал «безопасную» тему для разговора). Мама изо всех сил восхищалась блузкой тёти Алисы. Тётя Алиса намного старше мамы, а Джаспер намного моложе тёти Алисы. Хотя вообще-то из-за бороды он выглядит старше их обеих.

После того как тётя Алиса объявила, что я сильно вырос – это было единственное её обращение ко мне напрямую, – Джаспер спросил:

– А как твои дела, сынок? Ты тут не задыхаешься? Что-то ты бледный, как привидение! – и ухмыльнулся, показав крупные белые зубы. Видимо, чтобы я решил, будто он не хочет меня обидеть. Но я уверен, он хотел.

Тётя Алиса заохала:

– Эй, Джаспер, он очарователен!

А мама сказала слегка ледяным голосом:

– Джаспер, с ним всё в порядке. Правда же, Эй дан?

Я бурно закивал головой, словно так мог показать дяде, что я – используя его же собственное выражение – «крепок, как огурчик».

Он хмыкнул и затем добавил:

– Морской воздух. Немного старого доброго ventum maris, вот что тебе нужно, сынок.

Затем он шумно отхлебнул из чашки (чёрный чай, без сахара).

Он часто говорил так, этот Джаспер. Вроде бы у него не было акцента – ни местного, ни иностранного. Иногда он произносил слова по-американски, а иногда – больше по-австралийски, повышая интонацию к концу предложения, словно задавая вопрос. Джаспер родился в Румынии, и у него были узкие тёмные глаза – почти чёрные. Он носил солнцезащитные очки и жил в разных странах.

Однажды я спросил Джаспера, откуда он родом.

– Просто считай меня бродягой, – сказал он, обнажив зубы.

Если честно, я его боюсь.

Когда молоко было допито, а из бороды Джаспера прозвучали слова «премьер-министр», я решил, что пришло время оттуда убираться. Если упоминается правительство, то разговор – по моему опыту – сворачивает не туда.

– Пойду на улицу, – сказал я, и Джаспер в ответ хрюкнул, что можно было счесть за одобрение.

Глава 6

Было очень здорово уйти из дома. Я сделал большой вдох через нос и громко выдохнул через рот: «Хаааа!»

Наш дом находится на самом краю старого микрорайона. Друг за другом там стоят десять малюсеньких домов, а затем сразу начинаются дома новые. За нашим забором – лес. Насколько мне известно, у этого леса даже нет имени. Его называют «лес» или «тот самый лес за полем для гольфа».

Вот бы у нас за домом была калитка, которую откроешь – и ты уже в лесу. Но её нет, там – лишь деревянный забор вокруг пустого прямоугольного заднего двора.

С одной стороны от нашего дома находится переулок, заваленный всяким хламом и воняющий кошачьей мочой. В переулке есть дряхлый матрас, ржавая стиральная машина и переполненный мусорный бак, из которого торчат старые тряпки. Папа говорит, что городской совет обязан всё это вывезти, но, очевидно, им по барабану. По другую сторону Мусорного переулка живут две старухи, Сью и Пру, которые очень коротко стригут свои седые волосы. Мама познакомилась со старухами и нашла их «очень милыми», а потом добавила:

– Одна из них – доктор.

(Я всегда думал, что врачам хорошо платят. Не понимаю, почему они здесь живут.)

Во дворе у себя они устроили аккуратный сад с искусственным газоном. А ещё у них живут пять приблудных кошек.

(Когда мама рассказала отцу, он фыркнул и заявил: «Никогда не доверяй тому, кто держит больше двух кошек». Мне это показалось несправедливым – я-то, пожалуй, кошек люблю.)

С другой стороны от нас, за покосившимся забором, находится ещё один сад, с настоящей травой.

В тот день, когда всё началось, я стоял спиной к забору и смотрел на старые домики, построенные из грязных кирпичей. Многие дома выглядели заброшенными, а у двух были разбиты окна. Потому-то наш дом такой дешёвый. Мама с папой говорили, что мы здесь только временно.

– Привет, Эйдан!

Я испуганно обернулся, но никого не увидел. Послышался смешок, похожий на короткий ликующий лай. Девчонка. Я сделал полный оборот, пытаясь выяснить источник смеха.

– Вон там!

– Где? – спросил я и тут же добавил: – Ой!

Что-то сильно ударило меня по лицу, а через несколько секунд что-то просвистело возле моего носа.

– Эй! Прекрати! – сказал я, и снова прозвучал смех, похожий на лай терьера.

Тогда я увидел: жёлтая трубка, которая когда-то была частью авторучки, торчала из дырки в заборе. Кто-то использовал дырку как бойницу, чтобы стрелять в меня шариками из жёваной бумаги. И этот кто-то был хорошим стрелком.

Я подошёл к дырке и наклонился, чтобы заглянуть в неё. Тут же меня изо всех сил стукнули по спине. Развернувшись, я увидел крошечную девочку, которая злобно ухмылялась и хихикала. Мы встречались в школе, но имени её я не знал. Нам ни разу не довелось оказаться в одной группе.

– Т-ты откуда взялась?

Действительно, можно было подумать, что она материализовалась из воздуха прямо у меня на глазах.

– Я Рокси Минто. Живу рядом. А ты – Эйдан!

– Ну… я знаю. А ты откуда меня знаешь?

Она фыркнула, намекая, что считает мой вопрос глупым.

– А ты как думаешь? Моя мама говорила с твоей мамой. Я видела, как ваши вещи вносили в дом. У тебя красный велосипед и белая деревянная парта. Обернись.

– Зачем?

– Просто обернись.

Она сказала это с такой уверенностью, что я повиновался, хотя и ожидал пинка сзади.

– Откуда ты знаешь, что это мои вел и парта? – спросил я через плечо, но ответа не получил.

Я обернулся… и Рокси там не было. Она исчезла.

– Рокси?

Потом дощечка в заборе, разделявшем наши дворы, качнулась в сторону. Рокси высунулась и хихикнула:

– Вот так!

Щель была узкая, но я пролез. (Крошечная Рокси прошла в неё, почти не задев забора.) И я оказался в запущенном саду, где обнаружились жалкие кусты и цветы, и сорняки, и старая пластмассовая горка. По нестриженому газону Рокси прошагала к огромному плющу, который разросся по обе стороны забора и начал обвивать орешник. Она раздвинула плющ и полезла внутрь. Через несколько секунд я услышал её голос с другой стороны забора:

– Ты идёшь или будешь бояться?

Я отодвинул ветку. Плющ скрывал дырку в заборе, отделявшем двор от леса. В лес вела тропинка. К забору прислонился сарай, полностью скрытый кустарником. Это был сборный сарай, каких много на строительных площадках.

Рокси стояла в дверях сарая.

– Добро пожаловать в мой гараж, – пронзительно и гордо объявила она.

Потом пошарила внутри, нащупала выключатель, и висевшая над входом неоновая надпись ожила. Огромные розовые буквы говорили: ГАРАЖ. Но первые три не горели, и остались только две буквы: АЖ. Впрочем, и это было здорово.

Внутри стояли поцарапанный письменный стол, шаткое вращающееся кресло, два деревянных стула и маленький холодильник в форме банки пива. Пол был покрыт ковром, на лампе имелся абажур, а на окнах шторы. Сильно потрёпанный старый диван был весь в жёлтых пятнах от поролона, вылезающего через прорехи в подушках. Я засмеялся.

– И что такого смешного? Тебе не нравится?

В душе я считал, что всё это совершенно потрясающе. Но признаваться, естественно, не собирался.

– Нормуль, – сказал я. – Где… где ты всё это взяла?

Моя реакция Рокси явно разочаровала, и я тут же почувствовал себя немного виноватым.

– В мусорных баках по большей части, – ответила она. – Люди столько всего выбрасывают. Знаешь, повторное использование, переработка, бла-бла-бла. Неоновая вывеска – это мой знак протэста.

Она подчеркнула «э» и театрально взмахнула рукой.

– Никогда бы не подумал, что здесь столько всего есть! – продолжил я.

– Снаружи не на что смотреть, но внутри много интересного, да? Обо мне тоже так говорят!

Она вскочила на табуретку и потянулась к дверце холодильника.

– Пива?

– Я… э…

– Шучу. Эй, ты не знаешь значения слова «доверчивый»?

Она протянула мне пакетик сока и соломинку.

– Садись. Сними вес с ног. Mi casa es su casa!

Мы немного посидели, потягивая сок. Я познакомился с Рокси всего шесть минут назад, но уже понял, что никогда не встречал никого подобного.

Называя ее крошечной, я не преувеличивал.

Она была такая маленькая, что ей можно было бы дать лет шесть. Но вела себя Рокси более зрело, лет на шестнадцать. Кожа у неё была блестящей и коричневой, как полированное дерево, а на носу темнела россыпь веснушек. Кудрявые африканские волосы были острижены безыскусно и коротко, как у мальчика. Одежда тоже ничем не выделялась: шорты, шлёпанцы, грязная белая

футболка, джинсовая куртка. Стандартный комплект для ребёнка-на-каникулах. Но, поскольку Рокси училась в Академии Перси, ей должно было быть не меньше одиннадцати.

Особенно мне понравилась её улыбка. Вы знаете, что многие люди, когда их лица расслаблены, имеют сердитый или сварливый вид? И дело не в плохом настроении – если у человека нет причины улыбаться, он этого и не делает. У моего отца такое лицо. Ему постоянно твердят: «Выше нос, дружище, – может, всё ещё обойдётся».

Но Рокси была совсем не такая. Казалось, губы её навсегда застыли в улыбке, словно она без конца смеялась над некой тайной шуткой.

Рокси заметила, как я на неё смотрю.

– Ты что уставился? Никогда не видел джентльмена?

Внезапно у неё появился лондонский акцент, и я не смог скрыть своего удивления. Она засмеялась:

– Это из «Оливера».

Наверное, у меня был глупый вид.

– «Оливер»! Ты не знаешь такой мюзикл? «Оливер Твист» по Чарлзу Диккенсу? Это сказал Джек Докинз по кличке «Ловкий Плут», когда встретил Оливера. Мы ставим пьесу в театральном кружке, и я буду Ловкий Плут. У меня уже есть и костюм, и всё остальное.

Она ткнула пальцем в висящие на гвозде бархатное пальто и мужскую шляпу.

Вот в это я мог поверить.

– Рокси, сколько тебе лет?

Она заговорила другим голосом – высокомерной старой дамы:

– Как вы смеете спрашивать леди о её возрасте, молодой человек!

Она была настоящей актрисой, эта моя новая соседка.

– Столько же, сколько тебе. На самом деле я на четыре недели старше.

– Ты знаешь, когда у меня день рождения?

Она вскочила со стула и распахнула дверь.

– Я многое про тебя знаю, Эйдан Генри Линклейтер. Твоя сестра, Либерти, родилась пятого февраля. Брось пакетик от сока в контейнер для вторсырья и иди за мной. Мне нужно кое-что тебе показать.

Я пошёл за ней в лес по едва заметной тропинке. Если бы я знал, что будет дальше, то мог бы избежать больших проблем.

Но не познакомился бы с Альфи Монком.

Глава 7

Рокси шагала впереди, раздвигая ветки и сбивая палкой макушки крапивы. Когда мы отошли метров на тридцать, я уже не видел её «гараж».

– Ты знаешь, куда мы идём? – я постарался сказать это поестественнее, словно меня не беспокоил возможный ответ «нет».

Но, кажется, Рокси меня не услышала.

Пес был густой, но не тихий. В этом году весна выдалась более тёплая и сухая, чем обычно, и под ногами громко трещали сухие листья и ветки. Я остановился и услышал жужжание пчёл и дыхание Рокси. Наклонив голову, я смог различить звук движущихся по шоссе А-19 машин. Их шуршание успокаивало, напоминая: хотя мне и кажется, что мы забрались в самую глухомань, на самом деле это не

так.

Рокси притормозила и наклонилась.

– Здесь. Ты видишь?

– Что – вижу?

– Вон там, чувак. Ты слепой?

Я увидел: ниже по крутому склону, между серебряно-серыми деревьями, на расстоянии броска сосновой шишки – крытую шифером замшелую крышу.

Я оглянулся на Рокси, чтобы понять, не шутит ли она. Ну ладно, крыша. И что? Рокси заметила сомнение на моём лице.

– Будет понятнее, если подойти ближе. Пошли. И Рокси скользнула между деревьями. Она перестала сбивать крапиву и двигалась очень быстро, иногда оглядываясь, чтобы проверить, иду ли я за ней. Вскоре Рокси остановилась.

Крыша уже была хорошо видна – на уровне наших глаз, и это показалось мне странным. Потом я понял – просто мы стоим на склоне холма. Спуск вёл к каменному дому, окружённому густыми колючими кустами, словно специально высаженными плотно, чтобы отпугивать нежеланных гостей.

– Аккуратнее здесь, – прошептала Рокси и указала на ржавую колючую проволоку, спрятанную внутри можжевелового кустарника, – ветки выросли вокруг проволоки. Дальше живая изгородь стала чуть менее плотной, и появилась табличка из тех, что можно купить в хозяйственных магазинах.

ОСТОРОЖНО: ЗЛАЯ СОБАКА

– Э… Рокси? – произнёс я.

Она пренебрежительно махнула крошечной ручкой.

– Нет здесь никакой собаки. Не волнуйся ты. Идём!

Я шёл за ней, чувствуя себя марионеткой.

Мы добрались до щели в этой живой изгороди, усиленной колючей проволокой. Если бы я был размером с Рокси, то протиснулся бы в щель без труда. А так мне пришлось лечь на живот и, извиваясь, ползти. Перед моим лицом мелькали шлёпанцы Рокси.

Ноги её были исцарапаны и обожжены крапивой, но, кажется, она не обращала на это внимания. Вскоре можжевельник закончился, и мы оказались в высокой траве – настолько, что в ней можно было спрятать лежащего человека. Оттуда я как следует разглядел дом.

Склон простирался ещё на пару метров, а затем обрывался, превращаясь в кирпичную стену высотой с человеческий рост. За ней находился аккуратный выложенный камнями двор с круглым каменным костровищем. Воздух был неподвижен. От тлеющего полена ровнёхонько вверх поднималась тонкая струйка дыма. Несколько куриц что-то клевали. Возле костровища стоял круглый металлический горшок, почерневший от времени и дыма.

Сам дом, сложенный из кирпичей, грязных и побитых, венчался крышей из замшелого шифера, которую я видел ещё с тропинки. Мы подошли к дому с задней его стороны. Дверь там состояла из двух частей – верхней и нижней. Верхняя часть была открыта, но внутри я ничего не мог разглядеть. Краска на двери и окнах пооблупилась. По правде говоря, дом выглядел старым, скучным и обветшалым.

– Итак, Рокси… – начал я.

– Тесс!

Я убавил звук.

– Итак, Рокси, это чей-то дом.

– Да! – прошептала она возбуждённо.

– И что, это так важно?

– Ну… Да!

– С чего бы? Обычно люди строят дома. Они в них живут.

– Ты не знаешь, кто живёт в этом.

Рокси сделала паузу и вздохнула, подчёркивая важность момента. И тут наше внимание привлекло какое-то движение.

В открытой части двери появилась женщина. Она внимательно посмотрела на кусты и траву, где мы прятались. Инстинктивно мы отпрянули.

Через мгновение женщина вернулась в дом. Сколько ей было лет? Я не понял. Длинная юбка, шарфик, тёмные очки.

– Это она, – сказала Рокси.

– Кто?

Понимаю, всё выглядело так, будто я специально демонстрировал незаинтересованность, чтобы подразнить Рокси. Но я просто не мог понять её восторга из-за какой-то женщины в доме. Тоже мне, важность.

– Ведьма.

И тут я забыл о том, что надо вести себя тихо, и произнёс – громче, чем, вероятно, следовало:

– Ой, Рокси!

Я был искренне зол. И ещё разочарован.

Я разозлился на Рокси, потому что лежал тут, в траве, слегка напуганный, перепачканный какой-то лесной гадостью, покусанный крапивой; шпионил за чьим-то домом, быть может, нарушая закон, и всё из-за ерунды. И разочаровался потому, что, ну…

Я-то думал – Рокси немного другая. Надеялся, что с ней будет интересно общаться. Особенно сейчас, когда Спатч и Мо уехали в Италию.

И теперь она говорит про ведьм – какого чёрта? Если бы я хотел слушать про ведьм, единорогов или животных, которые одеваются как люди, я мог бы поболтать со своей младшей сестрой.

– Тсс! Это так, уверяю тебя. Ей, типа, двести лет, и она живёт в доме в лесу. И у неё даже есть чёрная кошка – смотри!

Словно по заказу, кошка – почти чёрная – прошла по стене как раз перед нами. Она глянула на нас своими жёлтыми глазами, изящно спрыгнула на землю и громко мяукнула, спугнув одну из куриц.

– Ты уже попробовала его? Дом-то? – спросил я.

– В смысле?

– Он сделан из имбирного пряника?

Рокси гневно посмотрела на меня – её взгляд мог бы сжечь лист бумаги. Но мне было всё равно. Какие-то глупые выдумки!

– До новых встреч, – сказал я и начал подниматься.

– Пригнись! – зашипела Рокси. – Она тебя увидит.

– И что? Превратит в лягушку? Ничего, я готов рискнуть.

Вероятно, в том, что случилось потом, есть и моя вина. Но я не уверен до конца.

Глава 8

Я встал на четвереньки. Рокси ухватила меня за воротник и потянула вниз. Для такой маленькой девочки она была очень сильной.

– Прекрати! – прошептал я, стараясь освободиться.

Мы завозились, и я её толкнул. Рокси соскользнула вниз. Она пыталась ухватиться за меня, за траву – за что угодно, лишь бы не скатиться во двор.

Долю секунды я видел её глаза, лицо, искажённое ужасом. А затем, докатившись до края, Рокси исчезла из виду.

Она здорово треснулась о землю, однако не завопила и не заплакала. Я вдохнул поглубже, чтобы позвать её – надо же было понять, всё ли в порядке. Но крик застыл у меня в горле: задняя дверь дома распахнулась и из неё выбежала ведьма.

– Эй, эй, эй! – кричала она.

Потом добавила что-то ещё, но я не понял, что именно. Язык был совсем незнакомый.

Точно не французский. Я знал, как звучит французская речь (третий ученик в классе, en fait). И не итальянский – я слышал, как Спатч разговаривал со своим отцом.

Этот язык звучал как-то особенно: гортанно, музыкально. Ведьма – или «как бы ведьма» – поспешила туда, где лежала Рокси. Затем она что-то крикнула на своём языке, словно кого-то позвала.

И тогда я его увидел.

Он стоял в дверях: худой, бледный светловолосый мальчик. На шее его, на цепочке, висели тёмные очки. Мальчик надел их, прежде чем выйти на освещённый солнцем двор.

Разбилась ли Рокси насмерть? Я этого боялся – ведь она упала с большой высоты, – но всё же надеялся на лучшее. Вскоре я услышал её стон. И возблагодарил небеса.

Нужно ли мне подняться? Дать понять, что я здесь? Я был охвачен ужасом и не знал, что делать. Мальчик же взял Рокси на руки и понёс её в дом. С головы девочки капала кровь, оставляя дорожку на земле.

Обе створки двери закрылись наглухо, и тут я понял, что вдохнул первый раз с тех пор, как Рокси упала.

Глава 9

Вот что мне известно о жемчужинах жизни.

1. Они содержат густую жидкость, которая, если смешать её со своей кровью, немедленно останавливает все процессы старения и роста.

2. Если повторить процедуру с другой жемчужиной, старение начнётся снова.

Вот так. Это, пожалуй, всё, что я знаю и что знает мама.

Отца, должен признаться, я почти не помню, хотя мама всё о нём рассказала. За тысячу лет я успел послушать эти истории много раз, но они мне никогда не надоедали.

(Порой воспоминания об отце почти реальны. Смутный образ высокого блондина; запах просмолённых корабельных канатов; ощущение страха во время шторма. Но всё же эти воспоминания не вполне чёткие. Они кажутся тонкими, словно истёршимися от попыток их воспроизвести.)

Отца звали Эйнар. Он был солдатом-ставшим-торговцем с острова Готланд – остров находится в водном пространстве, называемом Балтикой. Мама же

говорила «остен шее» – восточное море.

Откуда они появились, эти жемчужины жизни? Точно никто не знал. Была легенда – мама рассказывала её при янтарном свете костра – о слуге алхимика, который спасся от ужасного цунами на Ближнем Востоке. Через пустыню в Карпатские горы он принёс целую сумку жемчужин жизни. Но было ли это правдой, никто и понятия не имел.

Если ты смешаешь жидкость из жемчужины жизни со своей кровью, то перестанешь стареть. Это не сделает тебя полностью бессмертным: ты по-прежнему сможешь погибнуть в битве или умереть от болезни или – как получилось у отца – от несчастного случая.

Мама рассказывала, что жемчужины жизни достались ему, когда он сражался с бродягами, напавшими на маленькую деревню. Я любил эту историю.

– Как истинный и благородный воин, – говорила мама, – он обменял эти жемчужины на жизнь одного из бандитов.

– Немедленно он использовал одну из них для себя лично. Сделал два надреза на своей руке и выдавил туда жидкость из одного стеклянного шарика. Осталось ещё четыре. Доблестный Эйнар, однако, знал: шарики так драгоценны, что любой, владеющий ими, подвергается опасности. Люди готовы убить ради вечной жизни. Поэтому он никому ничего не говорил, пока не встретил…

– Тебя! – всегда влезал в повествование я, и мама улыбалась.

– Да, ты прав. В то время ему уже исполнилось сто сорок лет. Он жил в стране данов[1 - Даны – датчане (здесь и далее – прим. пер)] и говорил на их языке. Мы были женаты всего шесть месяцев, когда я узнала, что беременна тобой, Алве.

(«Мы поженились по любви, – не уставала повторять мама. – Тогда это было редкостью». Тысячу лет назад любовь была далеко не главной в списке причин для женитьбы – она уступала по значимости семейным связям, богатству и безопасности.)

Мама была бедной, отец – нет. Люди завидовали маме: повезло же выйти замуж за богатого и красивого Эйнара из Готланда. А когда люди завидуют, они начинают болтать. Дело дошло до обсуждения возраста Эйнара. Странно, – говорили они, – старейшие жители деревни помнят его со своего раннего детства.

Может ли он быть одним из сказочных Бессмертанов?

К тому времени Бессмертаны стали такой редкостью, что многие считали их выдумкой путешественников или тех, кто общался с жителями других стран. Например, рассказывали истории о просторах юга, где обитают четырёхногие существа с такими длинными шеями, что существа эти могут доставать листья с верхушек деревьев; где в реках живут жирные лошади; где можно встретить крошечных волосатых людей, которые имеют длинные хвосты и качаются на ветвях.

Никто не знал, что здесь правда, а что вымысел. Могли и Бессмертаны быть плодом фантазии путешественников.

Когда мой отец узнал про разговоры о его слишком длинной жизни, он не захотел рисковать. В надежде, что он сам, его жена и ребёнок будут в безопасности, Эйнар решил начать новую жизнь на земле бриттов. Как оказалось, он не ошибся… почти.

Он спас маму и меня. Но себя он не спас.

Глава 10

Эйнара из Готланда невозможно было узнать, когда он стоял на деревянном причале города Рибе, что находился на западном берегу Дании. С ним уезжали Хильда, его жена, и маленький ребёнок – я. Всё было именно так, как он хотел.

Эйнар сбрил бороду, постригся и оделся, как подобает купцу среднего ранга. Не слишком богатому, чтобы не привлекать внимание, но и не слишком бедному, чтобы никто не усомнился в его способности оплатить путешествие на корабле

до Берниции, на землю бриттов.

В Рибе Эйнара никто не знал, но он не хотел рисковать. Мы остановились недалеко от города. Отец, как рассказывала мама, сильно нервничал. Ему казалось, что его преследуют. Хильда уже была Бессмертаном. Кровавая процедура была проведена в ночь их свадьбы. На новой земле, вместе с сыном, они собирались жить вечно.

Если получится.

Эйнар заплатил за проезд на грузовом корабле. Тот направлялся через Северное море, с первой остановкой к северу от старой римской стены. Там корабль должен был оставить груз и принять на борт новый, а затем проследовать дальше, до устья реки Тайн.

Капитан велел подождать четыре дня или, может быть, пять, в зависимости от погоды – пока ветер не станет попутным. Грузовые корабли ходили под парусами, а не на вёслах, как драккары. Поэтому если ветер дул с запада – как это обычно бывало, – путешествие к новой земле становилось нелёгким предприятием.

Через неделю ветер поменялся. Не прошло и дня, как старый изношенный кнорр с грязными залатанными парусами и ветхими просмолёнными канатами выскользнул из гавани Рибе. Отец взошёл на борт отдельно от мамы. Во время путешествия они собирались притворяться чужими. Жемчужины отец отдал маме, чтобы они были в большей сохранности на случай, если кто-нибудь его узнает.

– Пока мы не сойдём на землю, – приказала мне мама с самым серьёзным выражением лица, с таким же она потом всякий раз пересказывала эту историю, – ты не должен заговаривать с папой.

Она рассказывала, что я удивился, но сделал всё правильно. По её словам, я всегда был хорошим и послушным мальчиком.

Мы взяли с собой очень мало багажа: каждый – по одной джутовой сумке. Я ещё прихватил плетёную корзинку с котёнком, которого я назвал Биффа. Это было не имя и не слово. Думаю, мне просто нравилось, как оно звучит.

Уединиться на корабле было невозможно. Если кому-то требовалось помочиться или того больше, делать это приходилось прямо в море, раскачиваясь вместе с кораблём на серых волнах. Члены экипажа вообще не переживали: они спускали штаны и перевешивались задницами через борт.

Так мы потеряли отца, рассказывала мама. Никто не видел, как он упал. Ветер усилился, капитан приказал убрать паруса, и корабль то взлетал на волне, то падал обратно. Когда корабль вздыбился на белом гребне, папа, как это обычно делали все, забрался на самый край кормы. В некотором смысле там получалось укромное место – за мешками, привязанными верёвками. Мешки отчасти закрывали от посторонних взглядов, а на верёвке можно было повиснуть.

На корме папу видели в последний раз.

Мама первой заметила его отсутствие. Все, чтобы не вымокнуть, стояли близко друг к другу. Она спросила:

– А где Эйнар?

Когда стало понятно, что произошло, капитан развернул корабль носом к шторму и начал лавировать туда-сюда. Мы прошли назад даже больше, чем по курсу, – на случай, если отца отнесло течением. Но не нашли никого. Даже если он кричал с воды, скорее всего его никто не услышал из-за шума волн, ветра и скрипа старого корабля.

Какая нелепая смерть. Я до сих пор переживаю, хотя почти не помню отца. С тех пор прошли столетия, но боль не отпускает меня, несмотря на множество грустных и ужасных вещей, с которыми я встречался в жизни.

– Тяжелее всего, – говорила мама, – что нам нельзя было горевать. Мне приходилось притворяться не более расстроенной, чем остальные, кто едва его знал. И объяснять твои слёзы тем, что ты маленький и любая смерть огорчает тебя, а не тем, что ты потерял отца.

– Но почему? – обычно спрашивал я.

– Таков был план – спрятаться от охотников за жемчужинами. И я следовала ему. До сих пор мне не известно – не столкнули ли его специально. На корабле был один пассажир: дьявол со злыми глазами и огромной чёрной бородой. Он с твоим отцом повздорил. Я знаю, что Эйнар ему не доверял. Когда ты заплакал от холода, он приказал мне: «Заткни своего дитёнка!» А когда ты выл по упавшему за борт человеку, твоему отцу – хотя этого никто и не знал, – он пригрозил, что выбросит тебя в море вслед за ним.

Закрыв глаза, я могу представить себе его лицо, в нескольких дюймах от моего. Он рычит: «Заткни пасть! Закрой рот!» – рыдающему ребёнку. От этих воспоминаний мне становится холодно.

Через шесть дней, закоченевшие, промокшие до нитки, пропахшие овечьим сыром, тюленьими кожами и корабельным дёгтем, мы с мамой добрались до устья Тиин и сошли с корабля на длинный деревянный причал. Возле причала стояли рыбацкие хижины.

Мама покинула Данию молодой женой, а прибыла в устье Тиин вдовой с маленьким ребёнком-сиротой.

Маленький. Старый. Я.

Потом, через тысячу лет, крошечная девочка упала и разбила голову в нашем дворе. Это событие изменило всё.

Глава 11

В тот день, когда всё это произошло, мама спросила меня:

– Ты знаешь, какой сегодня день, Алве?

Когда мы были одни – то есть практически всегда, – она называла меня именем, данным при рождении.

Я знал, но притворился, будто не знаю, чтобы дать ей шанс с удовольствием напомнить мне.

– Тридцать лет в Дубовом хуторе. Тридцать лет, как мы въехали в этот дом.

Мама улыбнулась мне редкозубой улыбкой и обняла своими сильными руками.

– Я не хочу больше переезжать. После того, что было в прошлый раз.

Она часто это повторяла.

В ответ я заставил себя улыбнуться и кивнул и не напомнил ей, что мир стал меняться быстрее, чем раньше.

Мама беспокоилась. Мы оба беспокоились. Переезжать в новые дома, оставаться незамеченными – в общем, жить – становилось труднее и труднее.

Это никогда не было слишком просто. Но мы с мамой, достаточно подвижные, легко находили кого-то, желающего сдать маленький дом или хотя бы комнату. Мы свели количество вещей к минимуму и некоторые из них хранили в отдельном месте, например книги.

Но теперь? Теперь каждый хочет узнать о тебе всё. Договор аренды, банковские счета, лицензии на это, разрешения на то, бланки для заполнения, личные документы…

Мама редко слушала новости по беспроводному громкоговорителю. Они были, по её словам, «слишком неоднозначными». Думаю, она имела в виду «чересчур пугающими». Мы слишком долго прятались, и мама уже не могла понять большой мир с бензиновыми двигателями, реактивными самолётами, компьютерами и мобильными телефонами.

Но я порой, когда мама была в своей комнате наверху, слушал новости. Я пытался их понять и ужасно хотел жить в этом мире: настоящем мире со всеми его чудесами.

Мама прищёлкнула языком:

– Девочка опять здесь, Алве.

Она вытерла руки и выглянула в окно столовой.

– Уже второй раз на этой неделе. И с ней кто-то ещё. Вон там, слева. Видишь?

Мама называла её «маленькая любопытная девочка». Теперь-то я знаю, что её зовут Рокси Минто. Впервые мама заметила, что она за нами шпионит, год назад. Сначала мама предположила худшее – что будет как в прошлый раз, когда мы здесь жили. Мальчишки превратили нашу жизнь в ад: они начали задавать вопросы, и нам пришлось уехать.

Но вышло по-другому. Девочка просто смотрела, и всё. Мы слышали, как она старательно пряталась в кустах.

До сегодняшнего дня девочка всегда приходила одна. Она ложилась в траву перед кустами можжевельника и смотрела, как мы занимаемся своими делами. Затем наступила осень, листья опали, и девочка перестала приходить. Видимо, ей стало трудно прятаться.

То, что за нами шпионили, действовало на нервы. И всё же это было лучше, чем бояться, что в любой момент тебя могут атаковать или обвинить в какой-то гадости.

В колдовстве?

Я знал: в двадцать первом веке никого не обвиняют в колдовстве. Но мы так долго боялись этого, что одиночество сделалось нашим образом жизни, а основной целью стало – быть незаметными.

Так что мы позволили наблюдать за нами. Потом пришла весна, а вместе с ней появились листья и маленькая девочка в кустах.

Мама подошла к задней двери, верхняя створка которой была открыта, и посмотрела, прищурившись.

Затем она – в который раз – сказала:

– Я не сдвинусь с места, Алве. Нет – после прошлого раза.

Прошлый раз. Я не забуду этот прошлый раз. Ведь там был замешан Джек, мой друг, последний из всех.

Глава 12

Не знаю, сколько я простоял там, глядя на заднюю дверь лесного дома, куда унесли Рокси. Но в один прекрасный момент – побежал.

Я хотел позвать на помощь, рассказать о том, что случилось, отцу или кому-нибудь ещё – и всё тогда наладилось бы. Но в панике я рванул не в ту сторону и заблудился.

Лес был не таким уж и большим, но без дорог. Я носился туда-сюда, несколько раз пробежал мимо большого куста можжевельника, а затем попытался подняться на холм, поскольку знал: мне нужно примерно в ту сторону.

Прошло, должно быть, около часа, когда – потный, грязный, задыхающийся, перепуганный – я оказался на вершине холма, недалеко от «гаража» Рокси. Я побежал к своему дому и вдруг увидел её.

Раскрыв рот, я глядел на Рокси, а она спокойно сидела в дверях своего убежища под всё ещё сверкающими буквами «АЖ». Не должна ли она, – подумал я, – выглядеть более потрёпанной после встречи с лесной ведьмой? Ничего такого по ней не было заметно.

– Твой отец приходил сюда, – сказала Рокси. – Через забор заглядывал. Он симпатичный. Его зовут Бен.

– Да, Рокси. Я знаю, как зовут моего отца.

Меня всё это выбило из колеи, и я хотел знать, что же с ней случилось.

– Я в порядке, – сказала Рокси. – Если ты именно поэтому такой странный.

– Странный?

Она смотрела на меня, наклонив голову, словно и правда обдумывала мой вопрос.

– Ну да. Ты весь в грязи, в волосах у тебя сухие листья, лицо потное и красное. Да, это выглядит странно.

– Ну а ты? Что с тобой случилось?

– Ну… – начала она, но не договорила.

– Вот ты где, – через забор, доходящий ему до подбородка, заглядывал мой отец. – Святые апостолы! Что с тобой случилось? Ты выглядишь, словно тебя задом наперёд протащили через живую изгородь!

Он почти угадал.

И почему? Почему в тот момент я не сказал что-то вроде:

– Да ужас, пап! Не поверишь, что тут было! Мы с Рокси (Рокси, познакомься с папой! Пап, это Рокси) нашли в лесу удивительную хижину. Ты знал про неё? Она, представляешь, реально замаскирована. И там живёт дама, которую Рокси считает ведьмой. Конечно, это не так, но выглядит она как настоящая ведьма. А Рокси скатилась к ней во двор и ударилась головой, но теперь она вроде неплохо себя чувствует. Круто, да, пап?

Но я этого не сказал. И, наверное, знаю почему.

Во-первых, мы влезли на чужую территорию – и табличка, и колючая проволока предупреждали: нас ожидают неприятности. А во-вторых, меня немного

настораживало слишком обычное поведение Рокси – в то время как за ухом у неё был хирургический бинт, прикрытый волосами.

Я понимал: дело особенное. И всё будет испорчено, если я стану слишком много болтать.

Кроме того, мне было стыдно, что я не спас Рокси. Что я стоял, как тупой манекен, когда её, истекающую кровью, унесли в странный дом. Не думаю, что отец бы меня одобрил.

Поэтому я соврал – а я самый плохой на свете врун. Когда отец сказал про «живую изгородь», я засмеялся, словно никогда не слышал лучшей шутки.

– Да! Точно! Знаешь, пап, я просто гулял! Но заблудился и всё такое, зато ничего себе не сломал! Ха-ха!

Отец посмотрел на меня как-то странно.

– Да, здесь встречаются колючие кусты, сынок. Пойдём, поможешь мне с плинтусами.

Он развернулся, чтобы идти домой.

«Прекрасно, – подумал я. – Работы по хозяйству».

Дом, в который переехала наша семья, был не в лучшем состоянии.

Мы подождали, пока отец ушёл, и Рокси сказала:

– Ты фиговый лжец, Эйдан. Если бы за плохую актёрскую игру давали призы, ты бы их все выиграл. Правда.

– Да, да, верно. Спасибо большое. Но это сработало. А теперь я хочу знать, что с тобой произошло.

Рокси села за старый маленький столик. Поставила на него локти, а пальцы сложила рупором перед своим ртом. Клянусь, она изо всех сил старалась выглядеть крутой и грозной, но была для этого слишком маленькой и ободранной. Рокси казалась ребёнком, изображающим из себя директора школы.

– Всё ещё более странно, чем мы думали, – сказала она.

– Чем ты думала, – поправил я её. – По мне, это просто дама с ребёнком, которые спокойно жили в безлюдном месте, пока ты не свалилась к ним во двор.

– У неё есть котелок, чёрный кот и метла, – Рокси, называя предметы, загибала пальцы и кивала, словно подтверждая значимость своих слов.

– Нет, Рокси. У неё горшок для варки, двухцветная кошка и… ну не знаю… швабра, как и у всех.

– Но ты же не был в доме.

– Правда, не был. Но надеюсь, ты мне расскажешь. Кстати, как твоя голова?

Рокси потрогала голову за ухом и поморщилась.

– Вроде ничего. Уже не болит. Она сделала примочку.

– Наверное, ядовитую? – съязвил я.

Она сузила глаза.

– Если собираешься так шутить, убирайся из моего гаража.

Рокси указала на дверь. Я вздохнул.

– Извини. Просто… ладно, ты же понимаешь, что ведьм не бывает? Волшебства и всего такого не существует. Это сказки. Ты это знаешь?

Я говорил искренне и старался изо всех сил избежать малейшей насмешки.

Рокси, по всей видимости, успокоилась.

– Я это знаю. Или, по крайней мере, знала.

Она полезла под стол, вытащила оттуда ноутбук и открыла его. Нажала несколько клавиш, и на экране запустился фильм. Тогда нижняя челюсть у меня отвалилась до самых колен. Ну почти. Вы понимаете, о чём я.

Глава 13

Сначала я понятия не имел, что смотрю. Просто шум – хруст, шуршание и что-то серо-зелёное – не в фокусе, поскольку камера двигалась мимо… чего?

Листья. Подлесок. Кусты. И слова, разборчивее некуда. Мой голос произнёс:

– Что-то плоское, с зеленью?

Затем голос Рокси:

– Да, теперь видно. Это крыша.

– Останови видео! – велел я, и Рокси наклонилась, чтобы нажать на пробел.

– Ты снимала?

Она молча усмехнулась и кивнула.

– Но… как? У тебя не было камеры.

Левой рукой она стащила с себя джинсовую куртку и сунула её мне. Присмотревшись, я разглядел крошечную стеклянную полусферу, вмонтированную в медную пуговицу. Рокси откинула полу и показала чёрный кабель, который вёл к внутреннему карману, где лежала маленькая серебристая

коробочка.

– Это камера?

– Ага. Камера наблюдения, разрешение 720, аудио и видео.

Я покивал с умным видом, словно знал, о чём идёт речь, и затем для верности добавил:

– Ну да? Здорово!

Кажется, это сработало – Рокси заговорила с большим энтузиазмом.

– Ну да, и даже лучше! У неё поток 16,4 мегабита в секунду, и это круче, чем Mpeg 4. Так что можешь…

Она не договорила и внимательно посмотрела на меня.

Я придал лицу выражение, которое применяют в школе, когда не слушают учителя, но хотят, чтобы он об этом не догадался. (Это выражение часто видел у меня мистер Рейд, наш математик.)

– Ты не понял, о чём я, так ведь?

Я покачал головой и спросил:

– Это ты тоже нашла в мусорном баке?

Она рассеянно кивнула и снова нажала на «плэй».

Было так странно снова увидеть всё, что произошло с нами несколько часов назад. Рокси промотала ту часть, где мы пробирались через лес, – до момента падения на ведьмин двор.

(Смотрите, теперь и я это скажу. Она не ведьма!)

На экране был виден только кусочек земли, потому что Рокси лежала на животе в высокой траве.

– Пригнись! Она тебя увидит!

Это сказала Рокси.

– И что? Превратит в лягушку? Ничего, я готов рискнуть.

Послышалась возня, а затем «ох», когда Рокси покатилась вниз. После раздалось громкое, тяжёлое «бум» – она ударилась о землю.

– Ой! – сказал я.

Кажется, Рокси сильно ушиблась.

Изображение помутнело, расплылось и замерло. Теперь большую часть экрана занимало небо, потому что Рокси без сознания лежала на спине.

– Наверно, было больно! – сказал я.

– Чертовски! – ответила Рокси. – Но только потом, когда я пришла в себя.

Послышались шаги, а затем снова прозвучали слова, которые я, трусливо оцепеневший, слышал наверху.

Слова на том странном языке. Говорила женщина:

– Ал-ву! Ал-ву! Комни!

Примерно так оно звучало. Затем раздалось много всяких непонятных звуков. И я ахнул: экран заполнило лицо женщины. Она наклонилась и смотрела на Рокси, а крошечная камера это фиксировала.

Рокси нажала на паузу.

– Вот, это – она!

У Рокси был такой вид, словно объявила имя знаменитости, выходящей на красную дорожку.

Мы смотрели на лицо женщины на экране.

Сколько ей было лет? Честно говоря, я не очень хорошо определяю возраст. После тридцати люди выглядят примерно одинаково, пока им не исполнится шестьдесят или около того. Тогда они покрываются морщинами и седеют, как дедушка и бабушка Линклейтеры.

Так что женщине могло быть сколько угодно лет – в этом диапазоне. Я заметил морщины на лбу и в уголках глаз. Но, возможно, они появились из-за озабоченного выражения лица. Из-под головного платка выбивалось несколько светлых прядей. Щёки были блестящими, с лёгким румянцем, как яблоки сорта «Пинк лэйди».

Рокси снова нажала на «плэй», и лицо женщины начало перемещаться: сначала назад, потом, когда она стала осматривать рану, – из стороны в сторону. Когда-то эта женщина была красивой, но теперь всё портили зубы, потемневшие и стёртые. И сверху, и снизу нескольких недоставало.

Когда она сняла тёмные очки, я увидел глаза – водянисто-голубые, с красными прожилками и бледными веками.

– Ты видел когда-нибудь такого уставшего человека? – пробормотала Рокси. – Кажется, она готова проспать целую вечность.

На экране вновь появилось небо. Зазвучал разговор на чужом языке, из которого я вычленил только «Ин-анн боллд». Женщина произнесла эти слова дважды.

– Здесь они подняли меня, – пояснила Рокси. Изображение поменялось: появилась стена, потом снова небо. И вскоре стало темнее, потому что они вошли в дом. Картинка опять стала неподвижной. Я увидел потолок и источник света наверху.

– Привет? Привет?

Это был другой голос – голос мальчика.

– Ты меня слышишь? Привет? Как ты себя чувствуешь?

Послышались лёгкие шлепки – кажется, кто-то нежно хлопал Рокси по щеке, пытаясь привести её в чувство. Затем заговорила женщина, прозвучали вдох, выдох и слабый стон.

Мальчик что-то сказал женщине, затем раздались кашель и ещё один, мучительный, стон.

– Это я, – сказала Рокси. – Пришла в себя и пытаюсь подняться.

Картинка сместилась – видимо, Рокси попыталась сесть. Но затем снова стал виден потолок, когда женщина произнесла:

– Нет, голубушка. Ложись обратно, деточка. Ты сильно ушибла головку. Просто полежи, детуля. Не движься. Тсс.

Голос у неё был мягкий и успокаивающий, с сильным северо-восточным говорком. Но также слышался в нём иностранный акцент. Она говорила как Кристина Нильсен, девочка из моей старой школы, – норвежка, но с акцентом жителей Ньюкасла.

В любом случае, квакающего голоса ведьмы я не услышал, но Рокси об этом говорить не стал.

Та ещё немного промотала вперёд.

– Тут я просто лежала, а они разговаривали на своём языке.

Затем промелькнуло изображение фарфоровой чашки.

Рокси объяснила:

– У неё там была какая-то жидкость, которой она промыла мне рану на голове. Пахло очень сильно, а щипало вообще ужасно.

Затем раздался голос женщины:

– Как думаешь, ты можешь сесть, цветуля? Давай, садись. Потихонечку. Как чувствуешь?

И тогда они появились оба – Рокси села, и крошечная камера показала всю комнату.

На женщине был бесформенный свитер ручной вязки. Пальцы её, длинные и грубые, сплетены в участливом жесте.

Камера обрезала верх головы, но было видно, что лицо у женщины доброе. Она сказала мальчику:

– Го-тер свин, Алве. Го-тер свин.

Мальчик – очевидно, её сын – был очень похож на мать – от бледных глаз до грязных светлых волос и длинных пальцев. Зубы у него тоже были жёлтые, и часть их отсутствовала. Одежду он носил старомодную: обычные брюки (не джинсы) и рубашку с пуговицами. Тётя Алиса сказала бы, что он выглядит «настоящим умником». Но, по мне, он словно позаимствовал старую одежду своего отца. Странный костюм дополняли свисающие на верёвочке тёмные очки.

Комната была тёмная и захламлённая: старинные стулья, заваленный бумагами стол, каминная полка, уставленная вазами и безделушками, кипы бумаги на полу и…

– Ну! Смотри, до чего они довели дом! – сказал я.

Рокси засмеялась.

– Какой домовитый хозяин! – пошутила она. – Но я понимаю, о чём ты. Знаешь, там пахло…

Она помедлила.

– Плохо?

Рокси наморщила нос, словно это могло помочь ей определить запах.

– Не то чтобы плохо. Просто… так пахнет дом старого человека, где много старого барахла. Наверное, отчасти пылью. Хотя там вроде чисто.

Я кивнул. Примерно так пахло в доме бабушки с дедушкой, а ведь они были не очень старые. Мы снова переключились на экран.

– Как ты себя чувствуешь, голубушка? Головка не кружится? Попробуй встать – аккуратненько, тихонько.

– Кажется, она вполне нормальная, – сказал я. – Даже милая.

– Я знаю, – ответила Рокси. – Хотя подожди.

– Ты можешь двигаться, цветулечка? Ничего не сломано? Ты так упала…

Изображение перемещалось – видимо, Рокси шевелила руками и ногами, проверяя их состояние. Затем прозвучал её голос:

– Нет, ничего не сломано, спасибо. Я лучше пойду.

Тут – за кадром – раздался высокий голос мальчика:

– Ты уверена? Тебе не надо уходить прямо сейчас. Это может быть небезопасно, знаешь ли, если у тебя сотрясение мозга.

Затем последовал разговор на их языке, из которого я ничего не понял, хотя и расслышал снова слово «Ал-ву». Не видя лиц, было очень сложно о чём-то догадаться, но мне показалось, что женщина чего-то решительно требовала от мальчика.

– Останови, – попросил я, и Рокси нажала на паузу. – О чём это они?

Рокси пожала плечами:

– Откуда мне знать?

Мы отмотали назад и включили снова.

– Похоже, – сказал я, – она велела ему не задерживать тебя. Это слышно по её тону.

Мы прослушали разговор в третий раз, и Рокси согласилась со мной.

– Да я и сама не хотела оставаться, боялась.

Камера повернулась и показала другую часть комнаты. Местами она была так загромождена, что, казалось, башни из бумаг вот-вот обрушатся. На стене висели книжные полки. Книг на них, втиснутых кое-как, было чуть ли не больше, чем во всей нашей школьной библиотеке. Камера двигалась слишком быстро, и я не успевал прочитать названия. Но, похоже, это были старинные тома, а не современные книжки в разноцветных бумажных переплётах. Мелькнул хвост чёрно-белой кошки.

Послышался голос Рокси:

– Мне… мне правда надо идти. Спасибо. Благодарю вас.

Женщина появилась перед Рокси, лицо её стало куда менее добрым.

– Но, голубушка, ты так и не рассказала мне, что делала здесь. Ты забралась на нашу территорию. Это частная собственность. Поставлен забор, а ты и твой друг перелезли через него.

– Я… я…

– Твой друг. Да, мы видели его, правда, Алве?

Мальчик кивнул с видом страдальца. Было видно, что допрос ему не нравится.

– М-мы потерялись. Женщина наклонилась к Рокси.

– Да неужели? Что ж, впредь не теряйтесь, а то мы нашлём на вас пасечников.

Затем она улыбнулась. Это была холодная улыбка, которая говорила: «Я не хочу быть суровой, но не надо меня недооценивать».

Что значило «наслать пасечников»? Я вопросительно посмотрел на Рокси, но она лишь слегка пожала плечами. Так или иначе, звучало это крайне неприятно.

Рокси за кадром рассыпалась в извинениях. По экрану было ясно, что она вышла из комнаты в такой же тёмный и загромождённый коридор и направилась к огромной деревянной двери с небольшим окошком. Её руки пошарили в поисках дверной ручки, а потом Рокси обернулась. Перед ней стоял мальчик.

– Мне очень жаль, – повторила Рокси, и тут произошла в высшей степени удивительная вещь.

Мальчик робко улыбнулся – из-за маленького роста Рокси камера лишь частично сняла его улыбку. А затем произнёс:

– Мне тоже.

Он оглянулся и тихонько добавил:

– Может, мы ещё увидимся?

В голосе звучали печаль и надежда. Послышались шаги матери, совсем близко.

Дверь распахнулась, и мальчик сказал:

– Сюда.

Он поднял руку и застенчиво помахал Рокси, а (почти) чёрная кошка пробежала в самом углу экрана.

Потом картинка начала дрожать и двигаться вверх-вниз. Раздался топот Рокси – девочка улепётывала со всех ног.

И вот теперь она с самодовольным видом сидела передо мной.

– Говорила я тебе, – повторила Рокси. – Странный язык, примочка, старинные книги, угрозы! Она стопроцентная ведьма.

Глава 14

Я и умолял, и насмехался – но ничто не могло убедить Рокси Минто в том, что она встречалась не с ведьмой.

Если вы в чём-то убеждены, то, мне кажется, легче начать упрямиться, чём признать свою ошибку и детское поведение.

– Ну очевидно же, что у ведьмы не будет ни чёрной шляпы, ни бородавок. Это бы её выдало с головой, разве нет? – заявила Рокси.

– Значит, её непохожесть на ведьму подтверждает, что она ведьма, да? – раздражённо сказал я. – А если бы она носила чёрную остроконечную шляпу? Тогда как? Это доказывало бы, что она не ведьма?

Рокси проигнорировала мои рассуждения.

– У неё есть котёл и чёрный кот.

– Чёрный с белым, Рокси, – поправил я сердито.

– И что?

Она смотрела на меня с глуповатой наивностью и парировала все мои аргументы. Наши голоса звучали всё громче, и мы уже начинали ссориться. Но ссориться я не хотел, ведь Рокси была такой весёлой и смелой.

– Знаешь, я могу доказать, – сказала она, и тут зазвонил её телефон. Бодрая, звонкая песенка, сыгранная на фортепиано, идеально подходила Рокси.

Она посмотрела на экран, но не сняла трубку. Я вопросительно взглянул на неё.

– Это мама. Надо идти.

Я и не заметил, что всё это время Рокси была одна. Знаете, где бы я ни находился, всегда кто-то из взрослых есть поблизости. Они приносят сок, проверяют, надел ли ты тёплую куртку, не бегаешь ли с ножницами в руке, – в общем, осуществляют родительский надзор. Но Рокси весь день оставалась без присмотра.

Её телефон перестал звонить и переключился на голосовую почту.

– Где сейчас твоя мама? – спросил я.

Рокси кивнула в сторону дома:

– Там.

– И она тебе звонит?

Рокси тяжело вздохнула, затем соскочила со стула.

– Длинная история. В другой раз, ладно?

Казалось, Рокси проткнули иголкой и вместе с воздухом из неё вышли радость, живость и всё такое. Готов поклясться, что даже её взъерошенные волосы поникли. Она заперла дверь гаража и молча положила ключ под камень. Рокси понимала, что я это вижу. А я понимал, что мне доверяют.

Она повернулась и, снова с огоньком в глазах, произнесла:

– В полночь.

– Сегодня?

– Нет. Через десять лет. Ну конечно, сегодня, – Рокси полезла между досками забора.

– Это время ведьм, – добавила она и тут же исчезла. А я остался – пялиться на пустой лес и пытаться осознать, что же сегодня произошло.

Рокси сказала: «Знаешь, я могу доказать».

Что она не договорила? Может быть, это: «Я могу доказать: она произнесла заклинание». Да ну, полнейшая бессмыслица!

Но Рокси сказала это таким тоном и с такой уверенностью в глазах, что я никак не мог успокоиться.

Знаете, я уже был готов счесть Рокси безобидной сумасшедшей. Мы сохранили бы хорошие отношения, но не подружились. Оставили бы в покое мальчика и женщину из того дома, и Рокси рано или поздно переросла бы свою веру в «ведьму из леса».

Но случилось несчастье, и оказалось, что мы с Рокси были последними, кто видел ведьму живой.

Глава 15

Я смотрел, как девочка шла по тропинке прочь от меня. Мне хотелось пойти с ней и убедиться, что она благополучно добралась до дома. Но, думаю, это не понравилось бы моей маме. Кроме того, путь девочки был коротким: только пройти через лес. Она устроила себе забавный домик, над дверью которого

висела светящаяся надпись. Это всё, что я знал.

На руки мне запрыгнула Биффа. Скорее всего, из-за неё девочка, обернувшись, не видела, как я ей помахал. А впрочем, может, и видела.

Р. Минто.

Так было вышито на её курточке. Я прочитал это, когда нёс девочку в дом. Ещё у неё обнаружились какие-то провода, присоединённые к карману. Наверное, мобильный телефон или что-то в том же роде.

Я смотрел ей вслед, пока она не скрылась за поворотом. Надеялся, что девочка обернётся, но она не обернулась. Биффа спрыгнула на землю, тихонько зарычала, и я улыбнулся ей.

– Тебе понравилась девочка, Биффа? – спросил я на нашем старом языке. – Мне тоже.

Я принюхался. Погода стояла слишком тёплая для весны. Но я чуял, что вскоре похолодает. При безоблачном небе после заката тепло всегда уходит. Значит, вечером мама захочет разжечь огонь, чтобы изгнать холод из каменного дома.

Надо было идти в сарай за дровами, но я стоял и думал о Р. Минто, её друге из кустов и о том, как подозрительно на них смотрела мама. Затем вернулась Биффа – с большим жуком, которого она поймала. Положила жука на спину у моих ног, и тот лежал, шевеля лапками.

– Хватит, Биффа! – засмеялся я. – Оставь жуков в покое!

Я наклонился, перевернул насекомое, и оно тут же юркнуло в сухие листья.

Про дрова я забыл совершенно, и это было моей самой большой ошибкой за тысячу лет.

Глава 16

Полночь уже миновала, когда завыли сирены пожарных машин.

Я поднялся, чтобы посмотреть из окна спальни – спальни Либби, в которую мне пришлось переехать, уступив мою комнату тёте Алисе и Джасперу. Меня замутило от страха, когда я увидел со стороны леса отблески пламени. Они освещали полнеба, хотя горело довольно далеко.

Я сразу понял, что именно горит.

– Папа! Папа! – позвал я.

– Клянусь богом! – раздалось позади. – Чертовски сильный пожар!

Я резко обернулся и увидел Джаспера, который стоял в одних пижамных штанах, опершись на башню из ещё не распакованных коробок.

В комнате запахло дымом, и я закрыл окно.

– Там есть дом, – сказал я. – В лесу.

– Да что ты? Ну, надеюсь, с ними будет всё хорошо. Такая гадость этот огонь!

Джаспер почесал заросшую щёку. Потом его пальцы спустились со щеки на горло, а после – на грудь, проделав этакий волосатый путь. Борода у него словно не имела края и плавно переходила в волосы на теле.

В дверь позвонили, и я подумал: «Готов поспорить, это Рокси».

Отец открыл, но не Рокси, а пожарному. Они разговаривали, пока я бежал вниз. Дверь была распахнута, и я увидел на улице пожарную машину с мигающими синими огнями.

– Простите, что разбудил вас, сэр, но нужно протянуть пожарный рукав вдоль вашего дома. Если огонь пойдёт дальше, то все здесь окажутся в опасности. Поэтому нам нужно намочить деревья.

Пожарный знал, что ему не откажут. Я подумал так, поскольку его товарищи уже размотали шланг и открывали гидрант рядом с нашим домом.

– Нет причин для паники, сынок, – сказал мне пожарный. – Это всего лишь предосторожность.

– А дом? Дом ведьмы… дом в лесу? Что с ним?

– Ничего не знаю об этом, сынок. А теперь извини, – он обратил взгляд на других пожарных, которые спешили по заваленному хламом проулку, отбрасывая мусор в стороны, чтобы освободить место.

Он лгал. Я сразу это понял и испугался.

Наблюдая за пожарными, я вдруг увидел Рокси в коротенькой пижаме. Она стояла в дверях своего дома, дрожа и теребя повязку за ухом. Наши глаза встретились, и мы сразу поняли, что думаем об одном и том же. Я надеялся, что она подойдёт ко мне. Хотелось поговорить с ней о случившемся. Ведь, возможно, ведьмин дом горел, а его обитатели могли быть ранены, если не хуже…

Рокси покачала головой и показала наверх, беззвучно говоря: «Мама».

Сзади ко мне подошла моя мама.

– Уходи, Эйдан. Не надо вертеться под ногами. Смотри, если хочешь, из окна.

На улице толклись соседи в шлёпанцах, наблюдая за происходящим. Я не понимал, чем их поведение отличается от моего, но спорить было бесполезно.

Вернувшись в спальню, я увидел, что подъехала ещё одна пожарная машина. Из неё выдвинули лестницу – выше окрестных домов. Один пожарный залез на самый верх и оттуда руководил остальными, направляя шланг. Огромная водяная арка протянулась над деревьями, вскоре они вымокли и с них начало капать.

Между тем оранжевые отблески огня приближались и делались больше. Упало дерево, поверженное огнём, в багровое небо поднялись вихри искр. И через

несколько минут эта часть леса уже была охвачена пламенем – искры подожгли сухие листья, лежащие на земле.

Ко мне в комнату заглянул отец.

– Собери немного одежды, сынок. Положи в спортивную сумку. Пожарные сказали, возможна эвакуация.

Я смотрел на него и не понимал ни слова.

– Эвакуация. Уйти из дома. Для безопасности. Быстро-быстро.

– Но… здесь мы в безопасности, разве нет? – запротестовал я.

– Нет, если огонь подойдёт ближе. Смотри.

Отец подошёл к окну и показал на дерево, растущее неподалёку от нашего дома. Маленькие языки пламени лизали его ствол. Ветки загорелись, но дерево полили из шланга, и пламя погасло.

Я натянул джинсы поверх пижамных штанов, потом нашёл тёплый свитер и надел его. Грейс Дарлинг Клоз была тупиковой улицей, и дорога была заполнена машинами и людьми. Сью и Пру, две дамы из соседнего дома, вышли в одинаковых голубых халатах. Сью несла огромного рыжего раскосого котяру. Тот шипел на проходящих мимо пожарных. «Ах! Не фолнуйтэс, он отшень трушелюпный!» – говорила Сью с преувеличенным немецким акцентом.

Помимо трёх пожарных машин я заметил два полицейских автомобиля, машину пожарного обеспечения и жёлтую «Скорую помощь». Затем появилась ещё одна машина. Из неё выскочили две женщины. Одна несла кинокамеру и переносную лампу. Женщина тут же начала снимать машины и толпившихся соседей. Я переминался с ноги на ногу в своих шлёпанцах и просто смотрел на это странное сборище.

Сью и Пру давали интервью.

– Наши кошки отшень бэспокоюца, да, Пруданция? – произнесла Сью, и Пру согласно закивала. – Томас уже опорожнил свой мочевой пузырь там, где нэ полошен, так ли, Томас, нехороший старый мурлыка?

Томас зевнул.

И тут я услышал голос, который выделялся из общего шума.

– Поставьте меня! ПОСТАВЬТЕ, чёрт возьми. Со мной всё в порядке – просто ОТПУСТИТЕ меня!

Как и остальные, я повернулся на этот голос. Он раздавался из дома Рокси. Двое пожарных спускали по лестнице нечто, похожее на огромный стул, задрапированный одеялами, над которыми торчала голова с покрытыми сеточкой волосами.

– Здесь! Поставьте меня здесь! Не ЗДЕСЬ, идиоты! Вы что, ГЛУХИЕ?

Из одеял высунулась рука и принялась бить одного из пожарных по золотой каске. Удары сопровождались словами. «Стоп!» Удар. «Стоп!» Удар. «Стоп!» Удар.

Пожарные дошли до конца дорожки и опустили кресло. Только тогда я сообразил, что это была инвалидная коляска.

– Вы с ума тут посходили, что ли? – сказала владелица коляски, подбирая одеяла.

Выйдя из зоны досягаемости, пожарный, которого она колотила, выдавил кривую улыбку:

– На здоровье, мадам. Рады быть к вашим услугам и спасти вас от огненной погибели.

– Огненная погибель, какого чёрта! Со мной всё в порядке! Что за… УБЕРИТЕ ЭТУ ГАДОСТЬ ОТ МОЕГО ЛИЦА! КАК ВЫ СМЕЕТЕ?

Последние слова были обращены к женщине-оператору, которая, заметив суматоху, подбежала и начала снимать, как владелица коляски кричит на пожарного.

– Извините, – не смутилась оператор, – я только хотела спросить: не могли бы вы сказать несколько слов для программы новостей?

– Да, могла бы, – ответила женщина. – Эта штука включена? Отлично, вот вам несколько слов для программы новостей.

После чего обрушила каскад ругательств, начинавшихся на «ч» и «д», и снова на «ч», а также слов, значения которых я не знал. Ругань была такой злобной и громкой, что пожарный, которого женщина побила, захохотал.

Оператор произнесла:

– Э… спасибо, – и слиняла.

Рядом со мной возникла Рокси.

– Познакомился с моей мамой, да? – сказала она, показывая на женщину в инвалидной коляске.

– При-привет! – я начал заикаться. – Как у вас дела?

Она даже не взглянула на меня.

– Да пошёл ты!

Глава 17

Нас так и не эвакуировали. Потихоньку суматоха на улице улеглась. Одна за другой уехали машины. Пожарные сложили свою длинную лестницу.

В воздухе стоял запах горелого дерева – пахло остатками костра в честь Гая Фокса.

Когда небо на востоке посветлело, начальник пожарной службы (у него на каске было две полоски – единственное, что я помнил после экскурсии на пожарную станцию в подготовительном классе) обошёл людей, которые ещё оставались на /лице.

Рокси уже закатила свою маму в дом. Я с ней больше не разговаривал (да и не хотел).

Отец пил чай из высокой чашки. Такую же он предложил пожарному, который руководил спасательными работами с лестницы. Они не заметили, как я сел на ступеньках позади них.

– …очень легко может начаться, приятель, – говорил пожарный, жадно отхлёбывая чай. – Одна искра, сухая погода, немного ветра – и видишь?

– Кто-нибудь пострадал? – спросил отец, словно прочитав мои мысли.

Пожарный, задумавшись, сделал ещё глоток.

– Я не должен рассказывать до официального объявления, но уж ладно… – он помолчал, и отец не торопил его. – Ему ведь уже не поможет, верно?

Ему? Он сказал – ему? Моё сердце упало.

– Или, может быть, ей, – продолжил пожарный. – В любом случае… нам известно об одном теле. Мы пока не знаем, кто там жил. Машины не смогли проехать по тропинке, а шланги не такие длинные. У них не было шансов.

У них? Это означало «у него и неё» или… Я перенервничал, устал и не знал, что и думать.

Папа фыркнул и покачал головой:

– Страшная смерть.

– Она всегда страшная, если ты не готов. Но такая, возможно, быстрее, чем другие. Ты задыхаешься намного раньше, чем начинаешь гореть.

Пожарный улыбнулся, словно сказал нечто вдохновляющее, но меня всё равно охватила печаль. Я ткнулся носом в колени и понял, что вот-вот зареву. Видимо, несколько раз я всхлипнул, потому что отец и пожарный обернулись. Пожарный заговорил, и его мягкий акцент уроженца Ньюкасла прозвучал успокаивающе.

– Ничего, сынок. Отправляйся-ка спать. Ночка была чертовская!

Я встал и неловко кивнул, чувствуя, что по щекам моим катятся слёзы. Пришлось вытереть их рукавом.

– Это… это дым. Он попал в глаза, – зачем-то сказал я.

– Ну да. Бывает. Он всем попал, – ответил пожарный и похлопал меня по плечу. – Прими душ, сынок. Тебе станет лучше, когда ты избавишься от этого запаха.

Глава 18

Я проснулся в десять и несколько минут смотрел в окно. Небо было светло-голубое и безоблачное, кое-где поднимались струйки дыма. Я приоткрыл окно и почувствовал лёгкий запах горелого дерева.

Внизу местный телевизионный канал показывал пожарных и людей в белом. Они стояли возле обгоревшего остова здания. Сохранились лишь несколько почерневших стен, дверной проём и половина перекрытий, на которых лежали фрагменты крыши. Я разглядел остатки стола и ещё кое-какой мебели. Потом камера крупно показала несколько обгорелых книг, каменную раковину, книжный шкаф и картину, криво висящую на стене.

Пламя сильно разошлось к тому времени, когда прибыли пожарные. Одинокий дом, скорее всего построенный в восемнадцатом веке, был почти полностью уничтожен огнём. Представительница пожарной службы признала, что это один

из сильнейших пожаров в её практике.

Начальник пожарной службы Харли Оксли: «Мы обнаружили одно тело и отправили его на криминалистическую экспертизу. Больше пока добавить нечего».

Журналист: «Вы можете сказать, как начался пожар?»

НПС Оксли: «В настоящий момент мы рассматриваем все возможные причины, но пока ничто не указывает на умышленный поджог».

Журналист: «Пламя перекинулось на другие участки леса, и жителей близлежащего микрорайона Делаваль предупредили, что им, возможно, придётся эвакуироваться».

Тут камера переключилась на нашу улицу, и я увидел на экране себя, глазеющего на пожарного на лестнице. В другое время я бы заорал: «Папа, папа! Меня показывают по телику!» – но не в то утро. В мрачном замешательстве я просто продолжил смотреть репортаж.

«…был окончательно взят под контроль незадолго до рассвета. Территория закрыта, полицейские и пожарные пытаются определить как причину возгорания, так и личность жертвы. Для "Новостей Севера" – Джейни Калверт из Уитли Бэй».

БУМ-БУМ-БУМ! – заколотили по оконному стеклу, и я вскочил так резко, что пролил молоко на диван.

Это была Рокси.

– Ты ещё в пижаме? – громко возмутилась она, но стекло приглушило её голос. – Через десять минут в гараже. Это очень важно.

Глава 19

С деревьев всё ещё капало после ночного полива, и на земле, превратившейся в мягкую бледную грязь, отпечатались свежие следы. Я полагал, что Рокси уже в гараже, и толкнул дверь. Та легко распахнулась, но внутри никого не было.

И тут через щель в заборе протиснулась Рокси – сначала крошечные ножки, потом взлохмаченная голова.

– Приветики, – сказала Рокси, сразу заметив открытую дверь. – Как тебе удалось войти?

– Было открыто, – ответил я и поднял палец к губам, как бы говоря «шшш». Затем указал на чужие следы на земле. Теперь, приглядевшись, я понял, что они ведут внутрь гаража. Рокси инстинктивно заговорила тише.

– Кто-то был здесь. Думаешь, пожарный? – спросила она.

Я показал на маленькие отпечатки.

– Тогда у него очень изящные ножки.

Рокси издала короткий лающий смешок.

– Отлично, Шерлок! А что с моим ноутом?

Я пожал плечами, и она пробралась мимо меня к другой стороне стола, где хранился её ноутбук. И взвизгнула.

Точнее – завизжала.

Для такого маленького тельца это было громко. За визгом последовали ахи:

– Ах-ах-ах! – и затем: – Эйдан!

– Что? – я не знал, как ей помочь, поскольку понятия не имел, почему она начала визжать.

Рокси не отрываясь смотрела под стол, на что-то, чего я не видел.

– Т-т-там… кто-то есть.

Отлично. В такой ситуации мы должны были бы спокойно покинуть помещение-дом-гараж, запереть за собой дверь и вызвать полицию.

Это было бы разумно. Это то, что следует делать, если вы вдруг обнаружите человека, прячущегося под столом в старой бытовке.

Но я подошёл к столу и, схватившись обеими руками за край, начал наклонять его на себя. Стол повалился, и мы увидели маленькую фигурку, которая свернулась клубком, как испуганный ёж. Она заметно дрожала.

– Что за…

– Какого…

Медленно – так раскрывается молодой листик – фигура подняла голову и распрямила спину. Затем посмотрела на нас, на каждого по очереди.

– Ты! – воскликнули мы с Рокси хором.

Мальчик из лесного дома отчаянно моргал, ослеплённый светом, проникающим в открытую дверь. Он неуклюже поднялся на ноги и сказал:

– Мам… моя ма… моя ма…

Потом замолчал и, моргая, стал переводить взгляд с меня на Рокси и обратно.

Конечно, Рокси первая всё поняла.

– Твоя мама?

Он кивнул.

– Моя мама.

Сглотнув, он снова заморгал.

Глава 20

Последнего моего друга звали Джек МакГонагал. Это из-за него всё изменилось.

Скорее всего, вы не помните 1934 год. Мне он понравился. У меня не было ни телефона, ни холодильника; но их не было у большинства людей. Только-только изобрели телевидение и компьютеры, оставалось ещё больше шестидесяти лет до электронной почты и публичности в Интернете. В которой, кстати, нет ничего хорошего, если вы пытаетесь сохранить что-то в тайне.

К тому времени мы с мамой почти восемьдесят лет прожили в Дубовом хуторе. Мама купила его в 1856 году за триста фунтов наличными, тогда это было возможно. Купила вполне законно – денег у нас имелось достаточно.

Хутор стоял в стороне, что нас вполне устраивало. Других жилых домов рядом не было. Мы огородничали на небольшом клочке земли, расчищенном от деревьев при постройке дома. У нас были коза Эми и несколько куриц. (Курицам мы не давали имён, потому что иногда съедали их.)

Биффе там нравилось. Перед нами в доме долго никто не жил, и там развелось много мышей. За несколько недель Биффа их переловила.

Мы много читали и – когда его изобрели – слушали радио, которое называли «беспроводным громкоговорителем».

Раз или два в неделю мама ездила в Уитли Бэй на стареньком расшатанном велосипеде. Иногда и я отправлялся за покупками. Я старался не появляться на улице в школьные часы, чтобы никто не подумал, будто я прогуливаю.

В Садах Истбурна была овощная лавка, которая принадлежала семье – мистеру и миссис МакГонагал. Он был длинным и тощим, с большими красными ушами и

пронзительными глазками, а она – маленькой и невзрачной. Их сын, Джек, мальчик моего возраста, помогал за прилавком.

В какой-то момент мы с Джеком начали здороваться. Однажды он помог мне поставить на место соскочившую цепь. В благодарность я дал ему прокатиться, и он спросил:

– Где ты живёшь?

– В Хексхаме, – ответил я, следуя нашей с мамой договорённости. – Я гощу у тёти.

Обычно все удовлетворялись таким ответом. Да и вообще нам редко задавали вопросы, поскольку мы почти ни с кем не общались. Хексхам – это город примерно в сорока милях: достаточно близко, чтобы о нём немного знали, и достаточно далеко, чтобы почти не знали его жителей.

– А в школу ты где ходишь? – спросил Джек. Было около четырёх часов вечера, уроки уже закончились.

– В Хексхаме, – ответил я. – На этой неделе наша школа не работает. Местный праздник.

– Круть! – сказал Джек. – Везука!

Вот так оно и было: без лишних вопросов. Джек мне нравился. Я подвёз его до Линкса на багажнике, и мы поиграли, бросая камни в жестяную банку. Джек умел ходить на руках, и когда он начал меня учить, мы хохотали и хохотали. Было весело.

Я уже отвык от друзей, да и Джек казался немного одиноким. Начало темнеть, и мне предстоял обратный путь по неосвещённой дороге (с риском, что меня остановит полицейский, отведёт домой и станет задавать неприятные вопросы). Я сказал Джеку:

– В субботу я снова сюда приеду. Хочешь, встретимся?

Мы встретились. На эстраде наяривал духовой оркестр, мы ели чипсы (которые купил я) и смотрели на белый шатёр Испанского Города[2 - Испанский Город – концертный зал, ресторан, прогулочная набережная, сад на крыше и чайхана в Уитли Бэй.]. Джек рассказал мне, как его отец охотился в Канаде на лосей.

Зачем я об этом вспоминаю?

Чтобы вы поняли, как больно мне было, когда мой новый друг Джек – весёлый худенький Джек, с круглыми коленками и в мешковатых шортах – меня предал. Хоть и не по своей вине. Ну то есть не только по своей.

Глава 21

Видите ли, Джек рос, а я нет. С друзьями всегда возникала такая проблема, и я это очень тяжело переживал. Никак не мог привыкнуть.

Через год или два после нашего знакомства Джек начал носить длинные штаны. Ещё через год или два он отрастил небольшие усики и голос его стал низким. До тех пор он считал, что я приезжаю в гости к «тёте» чаще всего по выходным. Иногда я говорил, будто выздоравливаю после таинственных заболеваний и нуждаюсь в целительной близости моря. А ещё были школьные каникулы.

Джек даже приходил в наш домик в лесу. Маме он нравился, но она беспокоилась, поскольку не привыкла так близко общаться с чужими.

– Это закончится плохо, Алве, – предупреждала она.

Я не хотел её слушать – был уверен, что Джек для нас не опасен.

Может, Джеку и казалось странным, что я не становлюсь выше или что у меня на ногах не растут волосы, но он ничего не говорил. Зато его мама вела себя иначе.

– Эх, Альфи Монк, мама тебя не кормит, что ли? – однажды спросила меня в лавке миссис МакГонагал. – Ты посмотри! Плесень на сыре и то быстрее растёт!

– Мам! – сказал Джек, но тоже засмеялся.

Не думаю, что он хотел обидеть меня своим смехом. Но я внутренне задрожал, потому что всё это уже проходил. Подозрение, недоверие, постепенное – иногда резкое – охлаждение к странному мальчику, который не становится старше.

В скором времени я услышал, как они меня обсуждают. Колокольчик в лавке, который звенит, когда покупатель открывает дверь, сломался, и никто не понял, что я вошёл.

Из задней комнаты донёсся голос Джека. Он повторял старую мамину шутку новым, низким голосом.

– …плесень на сыре растёт быстрее, говорю тебе!

– Не надо, Джек. Нельзя смеяться над убогими. Может, у него для роста чего-то не хватает.

Это был голос девушки, Джин Палмер, за которой Джек начал ухаживать. Я видел её пару раз. Она была симпатичная.

– Альфи не убогий. С ним что-то другое, – сказал Джек. – Он совсем не изменился за пять лет. Пять лет. И ты слышала, как он говорит? Утверждает, будто он из Хексхама. Но я знаю Хексхам. Там говорят иначе.

Я перебрался от прилавка к сложенным коробкам и скорчился за ними. Я не хотел, чтобы кто-то, выйдя, обнаружил, что я подслушиваю.

– Ну да, разговаривает он странно, согласна, – сказала Джин Палмер, – но он мне нравится.

– С ним что-то не так, Джин. И с его тётей тоже. Она не смотрит в глаза, когда с тобой разговаривает. Живёт в лесу одна, с козой, подумать только! Старуха Лиззи Ричардсон говорила маме, что много лет назад они встречались в Норд-Шилдсе. И тогда у неё был сын, которого тоже звали Альфи. Не подозрительно, а?

– Лиззи Ричардсон? Да ей за восемьдесят.

– Вот и я об этом, Джин. Значит, если миссис Ричардсон знала её в Норд-Шилдсе, то миссис Монк сейчас шестьдесят с лишним, не меньше.

– Для такого возраста она хорошо выглядит, скажу я вам.

Тут в лавку вошёл покупатель и закричал:

– Эй! Продавец!

Я незаметно выскользнул и, опечаленный, поехал домой.

Вот так оно происходило – постоянно, снова и снова, хотя в тот раз всё случилось быстрее, чем обычно.

Видите ли, так не бывает: чтобы ты не становился старше, а никто бы этого не замечал. Люди болтают, люди сплетничают. Тебе может сходить это с рук гораздо дольше, чем ты ожидаешь; но в конце концов люди всегда ведут себя как… как люди.

У них были причины для подозрений. А мы с мамой ещё больше всё запутывали. Племянник я или сын? Мама говорила всем, что её собственная мать тоже жила в этом доме.

Старики вроде Лиззи Ричардсон – с хорошей памятью – однажды умирают и забирают свои воспоминания с собой. Живые решают, что это были измышления дряхлого мозга. Ведь в такое и правда невозможно поверить.

Но нельзя обманывать всех и всегда.

Глава 22

В 1939 году Джеку исполнилось шестнадцать. Он превратился в высокого парня с кривой улыбкой. На шестнадцатый день рождения, понимая ожидания Джека, я купил ему пачку сигарет. Он хотел меня угостить, но я ещё год назад попробовал табак и знал, что такое мне не по вкусу. Услышав моё «нет», Джек усмехнулся.

Однажды летом я зашёл в лавку в Садах Истбурна. С подслушанного в задней комнате разговора прошло уже несколько недель. Миссис МакГонагал покачала головой.

– Джека нет дома, сынок. Он в последнее время очень занят. Много помогает в лавке и поэтому не может выходить.

«Где же правда? – подумал я. – Его нет дома, или он не может выйти?»

Было ясно, что она лжёт.

– Может… я завтра зайду?

– Нет, сынок. Думаю, лучше не надо. Говорю же, он очень занят в лавке.

– В-вы скажете ему, что я приходил?

– Ну да.

И она переключилось на другого покупателя.

– Мистер Аберкромби. Как ваша крошка Квини? Вы слышали новости про мистера Гитлера? Вскоре будет об этом передача.

Затем я услышал девичье хихиканье из задней комнаты. Дверь в неё была закрыта, но не плотно, и оттуда доносился шум. И запах сигарет.

Я, как и вы теперь, конечно, догадался, что смеялись надо мной. Джек и Джин смеялись, а я всё понял.

Он не хотел показываться на улице в обществе мальчика, которому на вид было одиннадцать. Мальчика, которого не пускали на танцы, мальчика, который не курил, мальчика, которого не интересовали девочки, который… ну, был ещё мальчиком. Странным мальчиком. Таким мальчиком был я. Это и сейчас я.

Я проглотил комок и глубоко вздохнул. Так уже бывало, но я всё равно злился.

Потом, когда я уже был на улице, Джек и Джин вышли из лавки и разошлись в разные стороны.

Я смотрел, как Джек идёт по улице, и мои щёки горели от стыда. Забыв о столетиях, проведённых в тени, и привычке не поднимать шума, я побежал за ним.

– Эй! – закричал я. – Эй, Джек!

Он обернулся.

– О! Привет, Альфи, – и покраснел.

Что тут можно было сказать? Я не нашёл нужных слов. Мгновение мы стояли лицом к лицу: я, мальчик в коротких шортах, и юноша. Джек втянул в себя сигаретный дым и взглянул на меня сверху вниз. С высоты своего роста. Притворяться было бессмысленно.

– Я слышал, что ты сказал Джин. Несколько недель назад. Будто со мной не всё в порядке.

– Э… Хм-м…

Он пожевал нижнюю губу, посмотрел на меня и выпустил дым изо рта.

– Я думал, ты мне друг.

– Друг, Альфи, друг, только…

Джек отвёл глаза. Он смутился, но мне было всё равно.

– Может, сядем?

Рядом была низенькая стенка, и мы сели на неё. Джек прежде расстегнул пуговицу куртки и поддёрнул брюки у колен. Это было так… по-взрослому.

– Дело в том, Альфи… – он замолчал.

Наверное, он сам себя не понимал. Я прервал паузу.

– Я тебя смутил – так, что ли?

Поколебавшись немного, Джек ответил:

– Нет, Альфи!

Но колебания выдали его. Они рассказали всё, что мне нужно было знать. От избытка эмоций у меня перехватило дыхание.

– Мне, между прочим, не обязательно оставаться таким! – сказал я и продолжил ещё громче. – Я могу всё повернуть вспять!

– Ты можешь всё повернуть вспять? Что повернуть?

Я и так уже сказал больше, чем собирался, поэтому, весь дрожа, замолчал.

– Слушай, Альфи, – Джек поднялся. – Ты хороший парень. Ты был хорошим другом. Но… знаешь, люди меняются.

Он раздавил ногой окурок.

Это был конец. Джек отвернулся и пошёл к Садам Истбурна, а я снова попытался проглотить застрявший в горле ком.

Глава 23

Маме я ничего не рассказал: она бы только расстроилась. Вечером я подоил Эми и, как обычно, перевернул сыры в маленькой кладовке. Всё это время в горле у меня стоял комок, от которого я никак не мог избавиться.

Мы с мамой слушали беспроводной громкоговоритель. Мистер Чемберлен, премьер-министр, объявил, что мы снова находимся в состоянии войны с Германией. Нам же казалось, что предыдущая война с Германией закончилась только вчера.

Наконец я заплакал. Сидя у огня, я вдруг почувствовал, как большая слеза скатилась по моей щеке. Рыдания вырвались из груди, как вода врывается в разбитый корабль.

Мама подумала – я плачу из-за войны. Но причина была другая. Я мечтал – как и бессчётное количество раз прежде – о том, что мог бы повзрослеть, стать похожим на Джека и остальных ребят, которых я знал и которые выросли.

Прочла ли мама мои мысли? Кажется, иногда ей это удавалось. Она встала, подошла ко мне и, сев на подлокотник кресла, стала гладить меня по спине. Я, как и обычно, нащупал пальцами два шрамика на её плече. Она запела тихую жалостливую песню. Слова были на старом языке, который мы оба знали. Дрожащий мамин голос усугубил мою печаль, и я разрыдался, прижавшись к ней, как ребёнок.

Я думал, что больше не увижу Джека МакГонагала, что новая война уничтожит весь мир.

Но я ошибся по обоим пунктам.

Глава 24

Мы с мамой видели много войн, но эта отличалась от остальных. Раньше поле боя к нам не приближалось. Баталии вели солдаты или моряки, а мы никак в этом не участвовали. Ближе всего к военным действиям я оказался, когда викинги заплыли в устье Тайн и нам пришлось бежать.

Тогда мы с мамой проезжали мимо огромных полей, на которых всего несколько недель назад разразилась битва. Там пахло войной и лежали непогребенные воины.

Но на этой войне бомбы поменяли всё. Теперь враги пришли прямо к нам, и война превратилась в одну непрерывную битву. В 1940 и 1941 годах германские самолёты часто летали над нами. Обычно это было по ночам, иногда – днём.

Бомбили заводы в Ньюкасле, судостроительные верфи в Уолсенде или в Норд-Шилдсе. Но бомбы часто попадали не туда. Однажды мама пришла из магазина и тяжело опустилась на стул в задней комнате.

– Говорят, почти сто человек. Они прятались от бомбёжки. И бомба угодила в их убежище. Мистер МакГонагал из магазина тоже был там.

Бедный Джек. Его отец.

(По точным подсчётам, от одной-единственной бомбы, попавшей в лимонадную фабрику в Норд-Шилдсе, под которой находилось бомбоубежище, погибло сто семь человек.)

Перед войной я боялся, что про нас с мамой поползут слухи. Достаточно было чьей-то болтовни. Но когда военные месяцы превратились в годы, мы поняли – как неоднократно понимали раньше, – что в это время не слишком трудно оставаться незаметными.

Если вести себя тихо и не создавать проблем, власти не будут обращать на тебя внимание. У них есть другие дела, особенно когда идёт война. Женщина и её племянник, которые никому не мешают, не имеют для них значения.

Так что год или даже больше мы оставались на одном месте. На продукты ввели карточки, и чтобы получить их, нам нужно было заполнить анкеты. Мама хорошо

умела это делать: у нас имелись свидетельства о рождении и другие официальные документы, способные убедить почти любого.

Благодаря курятнику мы ели много яиц, мясо же достать было очень трудно. Но иногда мы всё-таки лакомились курятиной: когда птицы переставали нестись, мы их убивали. Обычно это приходилось делать мне.

Именно за таким занятием меня застал Джек, одетый в форму. Правда, не солдатскую – он ещё был слишком молод. Джек стал констеблем военного резерва, относящегося к полиции.

Форма констебля военного резерва выглядела точь-в-точь как полицейская. На Джеке она сидела плохо: рукава доходили до костяшек пальцев, а брюки не прикрывали резинку носков. Но, надо сказать, Джек своей формой очень гордился.

Я не видел его больше года. Он стал ещё выше и выглядел взрослее, чем раньше. Ему было почти восемнадцать, и я ощутил знакомый укол в сердце, который часто испытывал, видя, как мой знакомый вырос и оставил меня позади.

Джек был весел – и даже самоуверен, – когда зашёл на задний двор, где я отлавливал старую курицу.

– Доброе утро! – сказал он.

Мама обернулась первой и увидела его форму и оловянную каску.

– Здравствуй, Джек, солнышко, – ответила она, хотя в её голосе прозвучала озабоченность. – О! Какая у тебя форма! Он так вырос, правда, Альфи?

Я согласно хмыкнул. Встреча с ним меня не обрадовала. Но мама очень хорошо изображала радушную хозяйку.

– Ты приехал на велосипеде? Водички налить?

– Да, пожалуйста, миссис Монк.

Джек старался на меня не смотреть, и я знал, что это неспроста. Он вёл себя чересчур официально.

– Можешь снять свою оловянную каску. Не думаю, что мистер Гитлер будет нас сегодня бомбить.

Мы сидели на заднем дворе и смотрели на плотные заросли деревьев на холме. Джек пил воду, украдкой поглядывая на меня. Напряжённое молчание затянулось, и мама заговорила.

– Что привело тебя сюда, Джек? Ты зашёл просто так? Мы давно тебя не видели.

По маминому тону я понял: она опасается подвоха.

– Ну, собственно говоря, миссис Монк…

В этот момент я напрягся. Никто не использует выражение «собственно говоря» перед сообщением хороших новостей.

– …собственно говоря, у меня имеются вопросы официального свойства. Вы позволите?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Даны – датчане (здесь и далее – прим. пер)

2

Испанский Город – концертный зал, ресторан, прогулочная набережная, сад на крыше и чайхана в Уитли Бэй.

Купить: https://tellnovel.com/uelford_ross/tysyacheletniy-mal-chik

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити